

Валентина Г. Кульпина
Moskwa

О ПРОЕКТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Создание *Исторического словаря терминов цвета русского языка* представляется актуальной проблемой для славистических исследований в связи с тем, что в наши дни внимание исследователей сосредотачивается на ментальных аспектах языка как феномена, в том числе и на феномен-формирующей функции цветообозначений. Исторический словарь мог бы послужить базой для сопоставления состояний «цветового сознания» в славянских языках разных эпох их развития, установления и уточнения понятийных соответствий и корреляций между терминами цвета славянских языков. Пробная тетрадь *Исторического словаря цветообозначений польского языка* (с русским переводом) под названием *Исторические изменения цветообозначений как манифестация динамики социоментальных систем* была опубликована автором данной статьи в журнале «Полонистика» (Минск, 2004).

Система цветообозначений является важной частью лексической системы любого языка. Как внешний облик, так и интенционал цветообозначений, их семантика, а также выполняемые ими в языке функции эволюционировали и модифицировались на протяжении тысячелетий прежде чем стать реальностью современных языков.

Развиваясь во времени и пространстве, цветообозначения славянских языков тем не менее сохраняют некое стабильное, константное ядро. Оно состоит из самых старых цветообозначений, зафиксированных в древнейших памятниках славянской письменности. Количество цветообозначений в памятниках X–XII в. невелико, их насчитывается менее двух десятков. Н. Б. Бахилина указывает, что в древнерусском языке «различаются основные цвета: белый, черный, красный, синий, желтый, зеленый, некоторые оттенки синего (зекрый) и желтого (плавый), а также некоторые смешанные (сизый, серый, рыжий). Оттенки цветов, смешанные цвета, как правило, представлены единичными примерами» (Бахилина 1975, с. 23). В древнейших памятниках наиболее употреби-

тельны цветообозначения *белый* и *черный*, «а также цветообозначения, называющие различные оттенки красного цвета (*червленый, чермный, багряный* и др.)» (Бахилина 1975, с. 23). Причина такой цветовой ограниченности заключена «в специфике жанров и своеобразии поэтики древнерусской литературы...» (Бахилина 1975, с. 11). Т. И. Вендина уточняет: «Причина такой бедной цветописи заключается не столько в специфике жанров старославянских памятников, сколько в своеобразии средневековой поэтики, для которой атрибутивность довольно редкое явление. [...] В этом отказе от цветописи литературоведы видят одну из характерных установок средневековой литературы» (Вендина 2002, с. 245). По свидетельствам упоминавшихся выше исследователей, цветообозначения в древних памятниках выполняли прежде всего символическую функцию.

Основные, или абстрактные, цветообозначения, прошли долгий путь развития: «В определенные исторические периоды, среди множества цветообозначений, в языке выделяются слова, которые обладают способностью выражать самым обобщенным образом данную цветовую субстанцию, самое важное, самое основное представление о цвете, поэтому они могут назвать любой оттенок данного цвета. [...] Эти слова не связаны с производящей основой (не вызывают никаких ассоциаций), имеют неограниченную сочетаемость, стилистически нейтральны» (Бахилина 1975, с. 8).

Количество зафиксированных цветообозначений в дошедших до нас памятниках с ходом исторического развития естественным образом увеличивается. Н. Линдгрэн, предпринявшая исследование цветообозначений в текстах русских иконописных подлинников XVI–XIX вв. (Линдгрэн 1997, с. 9–23), выделяет в них три группы цветообозначений: 1) пигментные цветообозначения, т.е. названия красителей, которые используются в иконописи: *киноварь, лазорь, празель* — как средство цветообозначения, так и в терминологической функции красящего вещества; 2) абстрактные цветообозначения в виде полного или краткого прилагательного; их набор весьма ограничен и характеризуется определенной стабильностью. Характерно, что ряд названий красителей имеет корреляты в виде абстрактных терминов цвета: *белила* — *белый*, *киноварь* — *красный* и т.п.; 3) производные цветообозначения — они образуются как от названий красящих веществ, так и от названий других предметов: *киноварь* — *киноварный*, *вишня* — *вишневый* (Линдгрэн 1997, с. 9–23), выступающих в качестве эталона-прототипа таких цветообозначений. Подкрепим последний тезис примером из *Словаря русского языка XI–XVII вв.* (также взятый из иконописного подлинника): *ВОХРЫЙ / ВОХРЕНОЙ / ВОХРЯНОЙ* от «окрашенный,

покрытый охрой» от ВОХРА ‘охра’ (название красителя) (СлРЯ 3, с. 77). Эволютивные процессы осуществляются в сторону уменьшения доли пигментных цветообозначений и увеличения доли производных (Линдгрэн 1997, с. 9–23), иными словами, в направлении уменьшения доли цветоименований-названий красителей (типа *киноварь, лазорь, охра*) в пользу цветообозначений, образованных от эталонов-прототипов типа *вишневый* от *вишня*, *кофейный* от *кофе*.

Особой динамикой в сфере увеличения материального состава терминов цвета характеризуется XVII в.: идет многонаправленный поиск возможностей отражения цветовой субстанции средствами языка, поэтому этот период условно можно было бы обозначить как путь активных исканий. В общеевропейском пространстве этот период отмечен широким развитием артефактной сферы и поисками оттенков разного рода артефактов и обозначающих их слов. Образуется великое множество цветообозначений от объекта-носителя типичного цвета (прототипических объектов) и переносится масса заимствованных из других языков, например, зафиксированных в разного рода номенклатурах, перечнях.

На фоне активного развития специальных знаний и цветовой диверсификации артефактов шли процессы поиска новых слов для вербализации новых цветовых оттенков на базе разнообразнейших ассоциаций. При этом нередко мотивированность цветообозначений не может являться ключом к установлению их реально-физической сущности (и не позволяет доподлинно узнать, какие же цветовые реляции скрываются, к примеру, за словами *жаркой, дикой, светло-осиновый*). Материал истории цветообозначений показывает, что именно такие термины цвета, у которых отсутствует наглядность плана представления цветообозначений и нет скоррелированности между денотатом цветообозначения и концептуализацией цвета как реально-физической сущности, имеют менее всего возможностей закрепиться в языке и более всего «шансов» безвозвратно утратиться. Для означенного периода характерно формирование новых моделей деривации. В случае утраты конкретных лексем (например, лексемы *снегобелый*), их структурные модели тем не менее могут продолжить свою жизнь в языке, а их продуктивность — увеличиться.

Поиск цветовых эталонов-прототипов идет постоянно. Исключительно богато представлено многоцветье колоронимов, возникающих на отпредметной базе: *дымчатый, гвоздичный, осиновый, светло-осиновый, мясной, маковый, кровавый, медный, луковый, песочный* (Бахилина 1975, с. 81, 83). Цветообозначения возникают на основе самых разных ассоциаций: *жаркой (оранжевый), дикой* и т.п., при этом, однако,

в наши дни трудно доподлинно установить их реально-физическую цветовую сущность. Зарождаются новые модели деривации — ср. *снеговидный, снегоподобный*. Вырабатываются устойчивые словосочетания — *сизый орел, сизый голубь* (Бахилина 1975, с. 83). При этом термины цвета могут менять свое базирование, свою сферу денотации. Так, термин цвета *соловый* вызывал ассоциации с цветом глаз (Фасмер III, с. 712), впоследствии же произошла его специализация исключительно на цветоопределении лошадиной масти. Особенно значителен прирост цветообозначений начиная с позднего древнерусского периода (Бахилина 1975, с. 6), когда (к середине XVIII в.) и оформился в общих чертах нынешний состав системы цветообозначений (Там же, с. 206). На развитие и детализацию этой системы большое влияние оказало приумножение специальных знаний.

В диалектах русского языка цветообозначение является живой развивающейся категорией. В цветотворчестве прежде всего используются основные абстрактные цвета, на базе которых возникает большое количество дериватов и неосемантизмов; употребляется и большое количество цветообозначений, образованных от названий прототипических предметов-эталонов. При этом в литературном языке и в диалектах может обнаруживаться разное «прочтение», разная цветовая интерпретация одних и тех же предметов-прототипов. Ср., например, в литературном языке «*кофейный* ‘входящий в блок коричневых цветов’ и диал. ‘кофейненький’ *лиловый*» (Вендина 1998, с. 279).

Ряд цветоопределений привязан к определенным жанрам речи — например, к стихотворному, фольклорному тексту, к терминологической сфере специальных текстов. В русском фольклоре, прежде всего в сказках, встречаются специфические цветообозначения, которые редко используются в какой-либо иной сфере: *аленький* (именно в уменьшительно-ласкательной форме) *цветочек, лазоревый цветочек*. В сказках также нередко используется специфическое, устаревшее для современного общелитературного языка, цветообозначение *яхонтовый* (в общелитературном языке — *янтарный*). Оно служит эстетизации цвето- и светообозначения глаз — ср. фольклорное выражение *глаза как яхонты горят*. Важной категорией языкового сознания является понятие многоцветности. В фольклорных произведениях оно внушается лексемой *самоцветы* — так называются традиционные для России полудрагоценные камни — малахит, яшма и т.п., ценимые за их красоту и цветовое разнообразие. Неслучайно использование лексемы *самоцветы* в качестве традиционного наименования ювелирных магазинов, названия музыкального коллектива и др. В этом имени — *самоцветы*

— подразумеваются семантические компоненты разнообразия и самобытности.

Знаменательно, что именно основные — абстрактные — цветообозначения являются широкой базой для формирования дериватов и неосемантизмов как в литературном русском языке, так и в его диалектах. Деривационная активность таких терминов цвета на порядок выше, чем у цветообозначений других типов (образованных от эталонов-прототипов и заимствованных). Характерно также, что ряд структурообразующих признаков присущ только основным терминам цвета. Речь идет, например, о способности образовывать формы кратких прилагательных (ср. *жёлт*) или суффиксальным способом указывать на оттеночность (ср. *голубоватый*). Иными словами, суффикс *-оват-* практически не присоединяем к основам терминов цвета, образованным от «эталонно-прототипических» цветообозначений типа *вишневый*, *рябиновый*, *кирпичный* и т.п.

Только основные термины цвета способны образовывать редуцированные формации с усилительно-экспрессивной семантикой (например, *синий-синий*, *желтый-прежелтый*). Ср. современный текстовый пример: «А поля-леса зеленым-зелены дышат. / А солнце золотым-золотó летит. / А донник белым-бел медов. / А ты, душа моя... глаза синим-сини...» (Васин-Макаров, с. 22–23). В качестве кратких прилагательных-терминов цвета могут выступать лишь основные цветообозначения.

В истории русского языка имелись и другие способы выражения оттенков, в частности, префиксальные — с помощью приставок *на-* и *над-*. Их роль практически аналогична той роли, которую выполняет указанный суффикс *-оват-* в современном русском языке. Ср. цветолексемы с указанными приставками в *Словаре русского языка XI–XVII вв.*: **НАДРУМЯНЬ** ‘слегка румяный, с легким румянцем’ (СлРЯ 10, с. 78), **НАЖЕЛТЬ** (СлРЯ 10, с. 87) ‘желтоватый, светло-желтый’ (СлРЯ, с. 87), **НАЗЕЛЬНЬНЬ** ‘зеленоват’ (СлРЯ 10, с. 92). «Опредмеченная» оттеночность могла передаваться также с помощью качественных существительных, образовавшихся от терминов цвета. Ср.: ст.-сл. **ЖЕЛТЬ** / **ЖОЛТЬ**. «*Желтизна, желтый оттенок*» (СлРЯ 5, с. 86). Качественные существительные от терминов цвета могли передавать также значение фона (у ткани), на который наслаивались другие цвета. Ср. **АЛЬ** «*алое поле в ткани*» (СлРЯ 1, с. 33); **ГОЛУБЬ** «*голубой фон, голубое поле (ткани, например)*» (СлРЯ 4, с. 70) **бѣль**: белое поле, главный цвет ткани (Срезневский I, стб. 219); **синь**: синий цвет; **синее поле**, главный цвет в ткани (Срезневский III, стб. 357).

В ходе исторического развития в русском языке утратились вышеуказанные деривационные способы выражения цветовых оттенков — как в пользу других средств деривации, так и в пользу лексических средств, в частности, утратился префиксальный способ, базировавшийся, на приставках *над-* и *на-* (**НАДРУСЬ** ‘русоватый’ (СлРЯ 10, с. 78), **НАРУСЬ** ‘светлорусый’ (СлРЯ 10, с. 225). Ушел из языка и целый богатый словообразовательный ряд существительных, передающих значение фона у ткани (ср.: *жълть* = *желть* = *жолть*: желтизна, желтый цвет ткани, желтое поле (Срезневский III, стб. 887); *зелень*: зеленое поле, главный цвет ткани (Срезневский II, стб. 969)).

Ряд ученых, основываясь на большом фактическом материале, говорит о первичности различения понятия света и вторичности цветоразличения (см. подробнее: (Калыгин, Михайлова 2004; Михайлова 2003; Мерзлякова 2003), рассматривая эту закономерность как семантическую универсалию. При этом развитие семантики ряда лексем шло от понятия света к понятию цвета — что и фиксируется в этимологических данных (см. ниже): «то, что семантика «белый» развивается часто из исходного значения «блестящий», является одной из семантических универсалий и наблюдается достаточно регулярно» (Михайлова 2003, с. 51).

Наряду с процессами развития светолексем и цветообозначений постоянно шли процессы их утраты. Так, утратились целые серии адъективных композитов, являвшихся в значительной мере греческими кальками, с разнообразной, обращенной прежде всего к понятию света, семантикой, содержащих в своем составе семы света и сияния. Т. Ф. Надвикова указывает, что «большое количество древних сложений представляло собой кальки с греческих слов, но очень рано проявляется стремление русских книжников к словотворчеству, и немало слов, созданных ими, вошло в обиход русского литературного языка» (Надвикова 1961, с. 133). Однако композиты, несущие понятия света и сияния, несмотря на свой огромный этический и эстетический заряд, оказались в русском языке временным явлением. Приведем несколько примеров этих световых и цветоцветовых композитов, эксцерпированных из *Словаря древнерусского языка* И. И. Срезневского: с семантикой уподобления свету: **свѣтовитовидьный** — «подобный свѣту, свѣтлый, лучезарный»: луч (Срезневский III, стб. 292); **свѣтообразьный** — «свѣтлый, сияющий»: сад, чертоги, божество (Там же, с. 293); с семантикой источника света: **свѣтодательный** — «издающий свѣтъ, просвещающий» (Там же, стб. 293); **свѣтозарьный** — сияющий, лучезарный [...] прославленный»: звезда, луч (Там же, стб. 293); **свѣтозрачьный** — «лучезарный»: звезда (Там же, стб. 294); **свѣтоизлианьный** — «излива-

ющий свѣтъ»: небо (Там же); свѣтоносньни — «сіяющій, свѣтлый»: звезда, день, ангел (Там же); свѣтосианьни — «сіяющій свѣтом, просвещающій»: глаза (Там же, стб. 295); свѣтоавлены — «проливающей свѣтъ, сияющій свѣтомъ»: Троица (Там же); свѣто”дрьныи — «свѣтомъ указывающій путь»: колонна, столб (Там же, стб. 299). Златозарньни выступало как устойчивый эпитет земли, источника, места (Срезневский I, стб. 981). златоси ньни: «обличье златосианьно» выступало как устойчивый эпитет человека, его лица, изображения (Там же). златосианьни нобразовывало яркую метафору златосияющих крыльев: «златосианьни крилѣ...» (Там же, стб. 982). Такого рода композитов в истории русского языка было чрезвычайно много, их семантика и денотативная отнесенность демонстрируют содержащийся в них духовный и эстетический заряд и тем самым огромную значимость понятия света, изумление и даже преклонение человека на Руси в древности перед этим феноменом.

Отметим лишь, что в современном русском литературном языке почти все перечисленные выше лексемы (кроме ‘лучезарный’ и ‘светозарный’) оказались вытесненными в пользу исключительно полисемантического прилагательного ‘светлый’, обладающего в обобщенно-синкретичном виде практически очень многими значениями тех лексем, которым суждено было утратиться в истории русского языка, а также прилагательного ‘световой’, развившего терминологическое значение. Ср. круг значений прилагательного свѣтлыи, выделенный в *Словаре...* И. И. Срезневского: «сіяющій, яркій»: солнце, звезда, свеча; «ясный, свѣтлый»: дни; «озаренный светом»: облако; «блестящій, самоцвѣтный»: жемчуга; «лучезарный»: отрок; «славный»: искусства, чины; ясный, радостный: лицо; «прекрасный»: лицо; «чистый, непорочный»: глаза; «исполненный блаженства»; «благой, добрый»: дела; «именитый, высокий»: человек — князь, бояре...; «богатый»: риза; «роскошный»: обед; «празднично убранный»: постель; «торжественный»: праздник (на Пасху — неделя, воскресенье, какой-л. другой день недели); «название крюковых знаков» (Срезневский III, стб. 299–300).

Утрата современным человеком пиетизма в восприятии световых явлений, выразившихся перечисленными выше и другими световыми и светоцветовыми композитами, детализирующими и эстетизирующими представления о свете, является результатом рационализации уклада жизни и сознания современного человека в ущерб повышено-эмоциональному восприятию световых явлений в древности, показателем трансформации картины мира от древнего человека к современному.

Функционирование в древнерусском языке многочисленных образных атрибутивных композитов, содержащих в своем составе понятие

света (типа *златосиянный, светозрачный, светодивный* и т.п.), говорит о характерной для концептуализации мира в древние периоды человеческой истории мифологизации сознания, в то время как процессы их утраты есть свидетельство процессов демифологизации. Компенсацией утраченного лексического богатства отражения световых понятий в современном русском языке является широкое развитие системы цвето-световых модификаторов типа *ярко-, тускло-, матово-, блестяще-* и т.п. Древние модели композитов в современном русском языке широко используются в специальных подъязыках, ср.: *лучеиспускабельный, светостойкий, светокопировальный*. Материал развития во времени древних композитов показывает способность словообразовательной системы реагировать на социально-психологические изменения. Процесс исторического развития светолексем может быть представлен как процесс приобретений и утрат — утрат того, что на данном этапе развития языка ощущается как избыточное — например, повышено-экспрессивного и эстетического компонентов световых композитов, сведение их значений к обобщенному прилагательному *светлый*, и в то же время приобретений — в частности, приобретения прилагательным *световой* терминологической функции и развитие на его базе терминов-композитов типа *светочувствительный*. Таким образом, изменения способов отражения световой и цветовой субстанции свидетельствуют об ином лингвопонятийном составе картины мира древнего и современного человека. Сведение богатого разнообразия светолексем к единообразной, хоть и полисемантической лексеме *светлый*, развитие терминологических значений на базе прилагательного *световой*, на наш взгляд, свидетельствует об иной концептуализации понятия светового атрибута у современного человека, причем различия носят не конфигуративно-структурный, но концептуальный характер и связаны с определенной деромантизацией понятия света у современного человека и рационализацией его сознания в целом, в том числе рационализацией отношения к свету в связи с доступностью его искусственных источников. Таким образом, некоторые трансформации цветообозначений и светолексем демонстрируют иное отношение в наши дни к цветосветовым маркерам в других, депиетизированных формах их экзистенции.

Далее обратимся к специфическим особенностям современного русского языка в плане средств выражения сложности, оттеночности и комплексности цвета. Понятие сложности в сфере цветообозначения связано в первую очередь с дву- и (реже) трехсоставными терминами цвета, то есть с колористическими сложениями. В то же время сложными, с комплексной образной структурой, являются и передающие цветные

оттенки словосочетания, напр.: *предпасхальная бирюза московского неба* (Василевич и др. 2005, с. 208), *нефритовая зелень средиземно-морской сосны* (Там же). В то же время возможны и цветообозначения с осложненной комплексностью на базе композитов и словосочетаний одновременно, ср.: *кирпично-красный с белым налетом* (Василевич и др. 2005, с. 164). Большие возможности для цветового творчества, порождения новых цветообозначений содержатся в конструкциях «цвета...» (и далее следует прототипический объект). Такие конструкции заполняют лакуны, имеющиеся в системе цветообозначения (ср. *цвета мокрого асфальта, цвета крепкого чая* (Василевич 1981, с. 112), *цвета очень молодой зелени* (Там же, с. 143)), нередко служат эстетизации выражаемых цветовых реляций, например: *цвета персидской сирени, цвета розовых флоксов, цвета розового жемчуга* (Там же), и являются базой для формирования группы актуальных цветовых формаций и перехода цветообозначений из индивидуального тезауруса языковой личности в общенародный тезаурус. Г. И. Герасимов указывает, что исходной базой формирования сложных цветообозначений нередко являются сравнительные обороты типа «*кровоаво-красный* (красный как кровь), *снежно-белый* (белый как снег), *угольно-черный* (черный как уголь)» (Герасимов 1978, с. 79; об условиях формирования сложных прилагательных подробнее см. там же).

Цветовые сложения заслуживают особого внимания как в плане их соотношения с цельюоформленными терминами цвета, создающими цельный цветовой образ, так и с точки зрения специфики выполняемых ими функций. Они способны передавать 1) разнообразные комплексные модификации оттенков маркируемого цветом объекта, так наз. оттеночный комплексный цвет (Краснянский 2000, с. 19), например, *серо-буро-малиновый цвет, зелено-голубая вода* (СОК, с. 18–19); 2) его двухцветность / трехцветность / многоцветность, например, *бело-сине-красный флаг*; 3) чередование цветов — например, полосы цвета, равновеликих или неодинаковой толщины, которые, отметим, нередко называются в определенной традиционной последовательности лексем: *чёрно-белая, красно-белая полосы* (более интенсивно окрашенный цвет идет первым). Однако с пастельными цветообозначениями, розовым и голубым, очередность иная — ср. *бело-голубая, бело-розовая полосы* и т.п. При этом очередность цветовых маркеров зависит от закрепившейся ритмики их чередования, традиции и от индивидуальных предпочтений; 4) цветовые наплывы (вкрапления, переходы); 5) модификации цветности, осуществляемые с помощью таких модификаторов, как *тёмно-, светло-, ярко-, тускло-, матово-, густо* и др. (напр., *облака темно-зеленые*: о деревьях (МЛ. Самойлов,

с. 343), *матово-зеленые хлеба* (Бунин, с. 51), *мутно-красная заря* (Бунин, с. 21), *жидко-бирюзовые глаза* (Бунин, с. 384, *ярко-рыжая каска* (МЛ. Смирнов, с. 357); 6) цвето-световые явления: *ослепительно золотой* (Краснянский 2000, с. 19).

Среди цветковых композитов есть узуальные, канонические, представляющие собой частотные и привычные модели (например, *пепельно-серый* является частотным оттенком серого цвета), и неологичные, отражающие процесс постоянного развития колористических сложений и словосочетаний (см. подробнее: (Краснянский 1996; Краснянский 2000)) — ср. *неоново-голубой* (СОК, с. 190), *химически-малиновый* (СОК, с. 190), *ярко-купоросный* (СОК, с. 225), *шиферно-серый* (СОК, с. 224), *изумрудно березовый лес* (МЛ. Юдахин, с. 479). Одни неологизмы имеют шанс закрепиться в языке, другие же — с исчезновением их прототипического предмета-эталона (например, шифера, послужившего прототипом для создания композита *шиферно-серый*) могут исчезнуть без следа или в связи с дезактуализацией своего прототипа сократить сферу употребления — что гипотетически может произойти, например, с цветообозначением *чернильно-фиолетовый* (СОК, с. 221) в связи с дезактуализацией его прототипа — чернил. Отметим, что неология часто проявляется в новаторских формах, но не в нарушении сложившихся собственно цветowych этностереотипов. Ср. неологизм Велемира Хлебникова *сине-синючее море* (СОК, с. 127)) — инновационная форма цветообозначения лишь подчеркивает стереотипичность, узуальность, распространенность и привычность цветоопределения моря как синего. Не выпадает из этой парадигмы и метафора Велемира Хлебникова *круглосиняя вода* (о поверхности моря до горизонта) (СОК, с. 129). Подчеркнем, что представленные выше искания касаются формы, однако само цветообозначение, столь дорогое для русскоязычного сообщества, в привычном цветовом ракурсе определяет водные пространства — море, озеро и т.п. Ведь в русском языке термин цвета *синий* (вместе с его «собратями» *голубым, лазурным, васильковым* и др.) исключительно богат неологическими деривационными средствами, в том числе композитными формациями, и буквально «оброс» цветистыми «обертонными». Ср.: *ярко-преярко-синий* (СОК, с. 225), *ледянисто-синий* (СОК, с. 197), *пронзительно-васильковый* (СОК, с. 197). Об особой приверженности к употреблению данного цветообозначения Владимира Набокова см.: «Художественно-изобразительная роль синего цвета в прозе Владимира Набокова (Moisiejenko 2000, с. 143–147). Л. Н. Моисеенко указывает, что и сам Владимир Набоков осознавал свою приверженность сине-голубой гамме (Там же, с. 144). Может быть, вдали от родины ее цветковые символы ощущаются с большей

остротой? Ведь термин синего/голубого цвета в русскоязычной среде относится к этнически ценным, этнопriorитетным (о критериях этнопriorитетности цветообозначений см. Кульпина 2001, с. 402–435).

Развитием сложных цветообозначений отмечен прежде всего современный период развития русского языка, что, как представляется, говорит об изменениях цветовосприятия у современного человека, о его стремлении к дифференциации и детализации цветовых реляций, что в свою очередь может приводить к «разделению» оттенков, «отъединению» их друг от друга (Кульпина 2004а, с. 29–32).

Современные способы формирования оттеночности базируются в большой мере на комбинировании терминов цвета, а также на комбинациях терминов цвета с названиями предметов-цветоносителей и широким использованием предметных ассоциаций (*смоляно-черный, кирпично-красный*).

В наши дни продолжается языковой поиск оптимальных средств выражения цветовой оттеночности (например, *неоновый цвет*) и поиск новых способов использования цвето-световых маркеров для отражения специфических особенностей объектов окружающей действительности. При этом, что характерно, поиск новаторских форм не затрагивает основ ассоциативно-цветового строя русского языка и специфики этнолингвоцветового восприятия (ср., например, такие неологичные формации, как *голубень* у Есенина или *на ресницах синева* (из песни *Увезу тебя я в тундру* и т.п.). Способность термина синего (голубого) цвета соотноситься фактически с неопределенно-большим количеством денотатов (ср. в древне-русском *синее вино* и *синие молнии, голубая лошадь*), то есть его эврисемичность (о явлении эврисемии в семантике слова см. подробнее Татаринов 1996, с. 174) и синкретичность, еще в древности предопределила ту большую роль, которую предстояло сыграть этому термину цвета в этноязыковом сознании носителя русского языка. Этноpriorитетный термин синего цвета имел широкое распространение в русском языке еще в период его глубокой древности. Такое древнее базирование и «обрастание» переносными значениями и романтично-положительными коннотациями в ходе исторического развития делают категорию *синего/голубого этноцвета* важной и актуальной для этноязыкового сознания и в наши дни.

Микроструктура словаря формируется на основе цветообозначений, собранных как из словарей русского языка разных типов, так и непосредственно из разнообразных в жанровом отношении литературных источников.

Цветообозначения даются в распределении по концептам, представляющим собой хроматические категории. В пределах концептов

представлены цветолексемы, бытующие в современном русском языке, а также те лексемы, которые видятся нам важными с точки зрения истории формирования системы цветообозначений.

Концепт понимается в соответствии с традицией, сложившейся в отечественном языкознании. Так, Е. С. Кубрякова рассматривает концепты как ментальные сущности, концептуальные структуры, структуры «знания и опыта, мнений и оценок, планов и целей, установок и убеждений» (Кубрякова 2004, с. 13). Концепт для Кубряковой — «это некий отдельный смысл, некая идея, имеющаяся у нас в сознании, но, по всей видимости, главное, что такая идея существует как **оперативная единица** в мыслительных процессах, причем единица, выступающая как гештальт — как вполне самостоятельная и четко выделяемая **отдельная** от других сущность» (Там же, с. 316). При этом «чем значимее определенный концепт для человеческого мышления, тем более сложной системой языковых средств и языковых форм он может быть выражен» (Там же, с. 313).

Вимя? А. Маслова указывает на нижеследующие ментально-операционные свойства концептов: «Концепты сводят разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений к чему-то единому, подводя их под одну рубрику [...], они позволяют хранить знания о мире и оказываются строительными элементами концептуальной системы, способствуя обработке субъективного опыта путем подведения информации под определенные выработанные обществом категории и классы» (Маслова 2004, с. 13).

Структура концепта в последние годы нередко является предметом лингвистической рефлексии и дискуссии. Ю. С. Степанов пишет по этому поводу следующее: «У концепта сложная структура. С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия [...]; с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры — исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.» (Степанов 2001, с. 43).

Сложная структура концепта проецируется и в отсутствие единообразия в методах его изучения: «Поскольку концепт имеет «слоистое» строение и разные слои являются результатом, «осадком» культурной жизни разных эпох, то с самого начала следует допустить, что и метод изучения окажется не одним, а совокупностью нескольких различных методов (или, можно сказать, «методик»...)» (Степанов 2001, с. 49).

Вопрос о метаязыке описания цветообозначений, их лексикографической презентации, является достаточно сложным, малоработанным и тем самым выдвигающимся в актуальные для современной

семантики проблемы. О сложности и отсюда естественной дискуссионности метаязыка современной семантики Юрий Апресян пишет следующее: «вопрос о языке для записи значений слов и — шире — целых высказываний оказался в центре внимания многих современных школ и направлений семантики, которой теперь отводится очень важная роль: она не просто «изучает значения слов», но отвечает за разработку языка для записи семантической информации и (отчасти) правил перехода от предложений этого языка к предложениям естественного языка» (Апресян 1995 I, с. 15).

В данной работе стремлением автора было, в частности, обдумывание проблем выработки метаязыка цветоописания и лексикографической презентации терминов цвета. В то же время схематическая строгость описания не являлась самоцелью, так как на первом плане находилась проблема адекватного отражения семантики цветолексемы.

В результате предварительного анализа были отобраны самые актуальные, характерные и обладающие наибольшей наглядностью значения терминов цвета, релевантные для формирования облика лексемы, а также обладающие наибольшей наглядностью фразеологические обороты, базирующиеся на этих терминах цвета. Семантизации типа, например, описания серого цвета как «...получающегося при смешении черного с белым» (МАС IV, с. 83) или зеленого, который описывается как «один из цветов солнечного спектра, находящийся между желтым и голубым...» (БТС, с. 362) и другие подобные, несмотря на их широкую распространенность в одноязычной лексикографии, не используются нами как базовые, ибо они ориентированы на аспекты экстралингвистической действительности (способ получения краски или описание места цвета в пределах солнечного спектра) и отсюда недостаточно наглядны с точки зрения презентации собственно лингвистической колористической семантики.

Как более предпочтительные рассматриваются способы описания семантики терминов цвета через указание на цвет эталонного предмета-прототипа — напр., *красного* как цвета крови, *синего* как цвета неба в безоблачный солнечный день и т.п. Хотя и в этом случае нельзя говорить о полной надежности такого цветового прототипа с точки зрения повторяющейся одинаковости представлений о нем. О его надежности в плане его цветовой прототипичности можно говорить лишь применительно к данному языковому сообществу, данному языковому ареалу, в определенных реально-физических и ментальных цветовых границах, но вряд ли — в универсальном плане.

В описание включаются и парацветовые понятия, в частности, передаваемые такими лексемами, как *мутный*, *ясный* — будучи свя-

заны с категорией цветности как ее модификаторы, они оказывают непосредственное влияние на восприятие качества цветowych реляций, передавая их «фактуру» в широком смысле слова.

Словарная статья на заголовочное слово-цветонаименование, как правило, содержит: а) информацию об исходном ареале распространения слова, напр., *И.-е.* — индоевропейское, *О.-сл.* — общеславянское, *Грец.* — грецизм, *Европ.* — европеизм — понимаемый как продукт общеевропейского пути развития термина цвета, характерного для всего европейского лингвоцивилизационного круга, *Галл.* — галлицизм, *Иран.* — иранизм, *Латин.* — латинизм, *Полон.* — полонизм, *Тюрк.* — тюркизм, и др. под. В плане выявления такого рода информации возникает целый ряд сложностей объективного характера. Так, например, С. Б. Бернштейн указывает, в частности, что «очень трудно определить хронологические границы балто-славянской общности. Началась она значительно позже распада индоевропейского праязыка» (Бернштейн 1961, с. 60), б) эвентуально датировку цветообозначения (самую старую из зафиксированных в русском языке), в) основные значения в современном языке, г) этимологическую информацию, д) сферу денотации, понимаемую в плане денотативной соотнесенности с рядом типичных объектов, регулярно колористически маркируемых с помощью данного цветообозначения, е) основные функции цветообозначения в словосочетании с именем указанного объекта: как онтологические, непосредственно указывающие на цвет (например, *синий / красный переплет* у книги), так и целый ряд других функций, в частности, указания на вид / тип растений / животных / артефактов (например, *белая лилия, красная лилия, желтая лилия*), на характер эмоций (например, *красный от смущения, бледный от волнения*) и др., ж) эвентуальные семантические оппозиции с другим цветообозначением (например, *светлые волосы / темные волосы*), з) лексикографируемая фразеология понимается в широком плане — с включением, например, перифрастических формаций, устойчивых сравнений и словосочетаний с данным термином цвета, его переносных значений и распространенных коннотаций, и) включается характерный ономастический материал, базирующийся на терминах цвета, к) деминутивные модели (например, *красенький, синенький*) — в случае их характерности для облика данной лексемы и в случае лексикализации терминов цвета с семантикой уменьшительности, л) редупликативные модели (*красным-красно, желтый-прежелтый*), м) особо отмечаются цветовые этнолингвистические предпочтения, бытующие среди носителей русского языка и фольклорные мотивы, базирующиеся на терминах цвета, н) пометы типа *книжн.*, *разг.*, *поэт.* указывают на сферу распространения цветолексем, пометы *устар.*

(устаревшее слово) и *ист.* (историзм) указывают на хронологию их употребления с точки зрения современного языка. Наряду с вышеназванным, словарные статьи могут содержать и другой релевантный, лингвоспецифичный для данной цветолексемы, материал.

Пункты словарных статей иллюстрировались наиболее стереотипными лексикографическими данными.

Подчеркнем, что проблематика этимологии рассматривается не только как источник знаний о происхождении цветономинаций. Нашу задачу мы видим в первую очередь как аспектацию категорий языка и мышления через посредство этимологических данных. Период появления и функционирования каждой лексемы приводится по датировкам указанных ниже этимологических словарей и исследованиям Н. Б. Бахилиной (Бахилина 1975, с. 42). Источником историко-этимологических данных явились *Историко-этимологический словарь П. Я. Черных (ИЭС)*, *Словарь русского языка XI–XVII вв. (СлРЯ)*, *Старославянский словарь (по рукописям XXI вв.) (СС)*, *Словарь древнерусского языка Имя? И. Срезневского (Срезневский)*, *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. (Сл XI–XIV)* под ред. Р. И. Аванесова, *Этимологический словарь русского языка М. Фасмера (Фасмер)*, *Этимологический словарь славянских языков* (Отв. ред. О. Н. Трубачев) (ЭССЯ) и др. источники. Материал современного русского языка извлекался из академических толковых словарей русского языка — *Большого академического словаря (Словаря современного русского литературного языка) (БАС)*, *Словаря русского языка С. И. Ожегова (СО)*, *Словаря русского языка Ожегова, Н. Ю. Шведовой (СОШ)*, *Малого академического словаря (Словаря русского языка под ред. А. П. Евгеньевой) (МАС)*, *Большого словаря русского языка под ред. С. А. Кузнецова (БТС)*, *Толкового словаря русского языка под ред. Д. В. Дмитриева (ТС)*, *Нового объяснительного словаря синонимов русского языка (Новый объяснительный словарь...)* и др. словарей. В качестве базовых для описания семантики современных терминов цвета нами были избраны малые и средние словари русского языка как отражающие наивную картину мира его носителей в достаточном приближении: из этих словарей в первую очередь, но и из других источников, черпался материал для типовых экземпляций. Из словарей русского языка нами отбирались наиболее, на наш взгляд, адекватные языковому материалу семантизации. С целью лучшей иллюстрации образа лексикографируемого термина цвета в русском языке, как правило, приводится ряд семантизаций из разных словарей.

При описании фразеологии на базе терминов цвета использовались также данные *Фразеологического словаря русского языка (ФСРЯ)* и ряда

других словарей русского языка (см. раздел *Источники эксцерпций*). Использовались цитации из научных, публицистических и художественных текстов (указанных в разделах *Библиография* и *Источники эксцерпций*). Привлекались материалы докторской диссертации и автореферата автора *Теоретические аспекты лингвистики цвета как научного направления сопоставительного языкознания* (Москва, 2002) и монографии автора *Лингвистика цвета. Термины цвета в польском и русском языках* (Кульпина 2002).

Жирным шрифтом и заглавными буквами, данными с разрядкой, выделены названия концептов, например, **КОНЦЕПТ БЕЛОГО ЦВЕТА**. Жирным шрифтом и одновременно заглавными буквами выделены заголовочные слова, актуальные и значимые для современного русского языка (**ВИШНЁВЫЙ**), только заглавными буквами — устаревшие цветообозначения (**ЧАЛЫЙ**) (с пометой устар.), заглавными курсивными буквами — цветообозначения-историзмы (*ГРЕНИЙ*) (они же дополнительно снабжаются пометой (ист.)). Большими буквами, данными с уплотнением, выделены лексемы-дериваты от заголовочных слов (типа **БЛЕДНОВАТЫЙ**, **СЕРЕБРИСТЫЙ**), передающие оттенки заголовочного слова, в тех случаях, когда они возможны и релевантны с точки зрения цветоописания.

Смысловой значимостью обладают подчеркивания лексем, выделенных заглавными буквами и одновременно жирным шрифтом — это знак выделения концептов и субконцептов в пределах хроматической категории, характеризующихся наряду с общими цветовыми значениями с концептом, и собственными релевантными цветовыми признаками. Таковы, например, концепт **ЖЁЛТЫЙ** и субконцепт **ОРАНЖЕВЫЙ** в пределах хроматической категории **КОНЦЕПТ ЖЕЛТОГО ЦВЕТА**.

Дополнительные интервалы между словарными статьями являются знаком выделения групп цветообозначений. Группы словарных статей в пределах одного концепта формируются в том случае, когда логика изложения требует рассмотрения цветообозначений, объединяемых по каким-либо признакам, в рамках отдельных групп, необходимость выделения которых особо оговаривается.

Порядок анализа отдельных заголовочных слов-цветообозначений в пределах словарных статей не является жестко заданным, так как иерархия пунктов и включение/невключение какого-либо из них зависит от главенствующих, прототипических, признаков в семантике заголовочного слова и наличия/отсутствия каких-либо из признаков в семантике анализируемой лексемы. В случае полихромности лексемы в текстах соответствующих словарных статей даются отсылки

на место ее описания. Далее приводятся примеры словарных статей, демонстрирующие спектр проблем, возникающих при составлении проектируемого словаря.

Ниже представлен проект описания цветообозначения *синий* как базового для описания концепта *синего*, *темно-синего*, *голубого цвета*. Сложность словарного описания данного термина цвета заключается в том, чтобы отразить то особое, приоритетное место, которое он занимает в этноязыковом сознании русскоязычного сообщества.

СИНИЙ. О-сл. XI–XII вв. *Современная семантическая мотивация:* «цвета цветков василька» (МАС IV, с. 96).

Срезневский выделяет у синего цвета следующую систему значений (фрагменты в кавычках и цитируемые небуквально см.: (Срезневский III, стб. 356)): а) темно-голубой, синій; б) «синеватый, отливающий голубымъ цвѣтомъ (как эпитетъ молніи): «чръныя тучи съ мора идуць [...] а въ нихъ трепещуть синіи мльніи». Сл. плк. Игор. (Срезневский III, стб. 356); в) посинѣвшій отъ кровоподтековъ; г) багровый, налитый кровью: о глазах; д) «темный; изъ-синя темный (синяя мгла, пучина, облака, эпитет вина) — «синее вино съ трудомъ смѣшено». Сл. плк. Игор.»; е) темнокожий: — «И быша у неи (у царицы) люди черны, а иные сини»; ж) чёрный: — «Синя іако сажа ~динь [...] Эфіопы сини; з) потемнѣвшій, сумрачный; и) «син”а орда — название Ногайской орды»; к) «синее море — название Аральского моря».

Этимология: «др.-русск. синь, цслав. синь [...] Родственно *сиять* (см.) или *сивый*, лит. šyvas «светлой масти», др.-инд. суātās «черный, темный» [...] Созвучные фин.-уг. названия: фин. sini «синий» (Фасмер III, с. 624). «лазóревый, темноголубой, цвѣтомъ гуще, темнѣе голубаго» (Даль IV, с. 186).

Бахилина отмечает, что группа синего цвета в памятниках XI–XII вв. представлена лишь цветообозначением ‘синий’ (Бахилина 1975, с. 35). При этом «прилагательное *синий* в древних памятниках имеет сложную систему значений, которая, видимо, обусловлена его историей; однако основное его значение совпадает с современным [...]. Можно думать, что в этот древнейший период прилагательное *синий* еще не выкристаллизовалось окончательно как цветообозначение, называющее один из основных цветов спектра. В нем еще сохранились какие-то черты более древнего состояния, когда оно было либо более многозначно, либо, напротив, называло просто темный цвет. Так, в памятниках XI–XII мы находим примеры, где *синий* значит *темный* и даже *черный*...» (Бахилина 1975, с. 35). Бахилина указывает на первоначальное значение данного термина цвета *сияющий*, *блестящий* (Бахилина 1975, с. 176) и высказывает предположение, что «слово по происхождению

и в древности близко к светообозначению, т.е. что в нем сохранилось значение 'относящийся к свету, блеску', но не 'блестящий', 'сверкающий', а напротив, 'темный', 'тусклый', 'лишенный блеска, сияния'» (Там же).

Синий — эта лексема сама по себе, без дополнительных «прикрас», способна волновать носителя русского языка, вызывая у него романтические и другие высшие чувства (см. выше во вводной части). Термин синего цвета играет большую роль в формировании эстетического, патриотического и этнического чувства. Символ России — Московский Кремль, предстает в поэтическом творчестве, и в том числе в песенной поэзии, как правило, на фоне синего цвета как цвета неба, водных пространств (моря, озера), *синих* цветов (васильков, незабудок).

Сфера денотации: внешность человека: синие глаза (романтическая характеристика), в то же время *синее / посиневшее* лицо, руки или губы свидетельствуют о нездоровье их обладателя (проблемах с сердечной деятельностью или переохлаждении); **природные объекты и явления:** небо: цвет неба также имеет положительно-романтическую оценку и, как и васильки, может служить эталоном *синего цвета*; водоёмы: море, озеро, река; дым, дымок; дымка; даль / дали; огненная стихия: *синее пламя*; время суток: вечер, ночь; **цветы:** васильки, незабудки, колокольчики и др.; **артефакты:** «краска, платье, костюм, юбка, брюки, рубашка, блузка, кофта, пальто, плащ, свитер, шляпа, нитки, лента, бант, ткань, материал, материя (*разг.*), машина, автобус, сумка, карандаш, чернила, тушь» (УСС, с. 507); **элементы метаязыка цветообозначения:** цвет, фон, полоса, пятно; выступая в **терминологической функции**, нередко служит выделению видов: *синий ясень, синий чистотел* (БАС XIII, с. 831).

Для русского языка характерно наличие большого числа лексем для обозначения «свойства быть синим», «опредмеченного» синего цвета, свидетельствующих о важности термина синего цвета для русского языкового сознания. Ср. у Владимира Даля ряд таких лексем, обозначающих в обобщённом плане понятие синего цвета: «*Синь, синесть, синевá, синетá, синедеь, сининá* свойство, качество, состоянье синяго, синий цвѣтъ» (Даль IV, с. 186). Ср. в современном русском языке дериваты, характеризующие чаще всего явления природы: *синь, синева, просинь*; см. также у Есенина стихотворение, начинающееся словами «Несказанное, синее, нежное» (давшими стихотворению название), в котором *синее* является опредмеченной и высокопоэтизированной сущностью.

Устойчивые сравнения: *глаза синие как небо, как море, как васильки; синее море (нар.-поэт.)* (БТС, с. 1187). *Поговорка:* «Гори (всё, оно

и т.п.) синим пламенем (огнём)!» *Разг-сниж.* Пропади все пропадом!» (БТС, с. 1187). **Фразеологизм** *синий чулок* «(неодобр.) — сухая педантка, лишённая женственности и погружённая в книжные, отвлечённые интересы» (СО, с. 623), имеет аналог в разных языках. **Деминутив:** *синенький* (о платке, платье, уменьш-ласк.) — служит обозначению цвета артефактов (СО, с. 623). *Синенькие* (на юге России разг. название баклажанов).

Стремлением автора словаря является отразить аксиологию и эстетику цветоименований. См. ниже словарную статью на термин *цветной*, описываемый в пределах концепта пестрого цвета. Понятие «пестроты» как негармоничного сочетания красок оценивается в отрицательном плане. Ценностью же становится понятие многоцветности. Сложность описания данного термина цвета заключается в его синкретичном характере и множественности его денотативной отнесенности (полиденотативности).

ЦВЕТНОЙ. *О.-сл.* X–XI вв. Хроматический (антипод ахроматической гаммы). Неодноцветный, многоцветный, разноцветный, окрашенный. «Окрашенный, имеющий какой-н. цвет или цвета́, не черный и не белый» (СО, с. 757).

Этимология: Ст.-сл. цвѣтънъ. Цветущий, покрытый цветами (СС, с. 771). От цвѣтъъ цветок, цветущее растение, цвѣтъць цветок [...] цвет, лучшая, отборная часть; цвисти/цвести, *перен.* процветать (СС, с. 771). цвѣтъъ — покрытый цвѣтами; цветок; луг; цвет; краска, красящее вещество (Срезневский III, стб. 1437–1438). От **цвет.** «Праслав. *kvěť, *kvisti, *květio родственно лтш. kvitēt, kvitu «мерцать, блестеть», kvitināt «заставлять мерцать» (Фасмер IV, с. 292).

Приведённые ниже примеры из старославянского языка показывают, к сколь древнему периоду в развитии русского языка восходят не только основное значение лексемы, но и её переносные значения. Большинство из них имеет греческую родословную. недѣля цвѣтъна» «Вербное воскресенье, Цветная неделя» (СС, с. 771). сѣбота цвѣтънаа «суббота перед Вербным воскресеньем» (Там же). Ср. богатую метафорику, заключённую в названии древнерусской богослужебной книги: «Триодъ постная и цветная», за которой в науке закрепилось название Триодъ Моисея Киянина» (см. подробнее об этой книге: (Гальченко 2001, с. 28)). Эта богослужебная книга предназначена как для служб в будние дни (*постная*), так и для праздничных дней (*цветная*). Таким образом, лексема *постная* из сферы вкусовых ощущений противопоставлена лексеме *цветная* из сферы колористики, а вместе, в своей противопоставленности, они передают идею разделения песнопений и молитв на будничные и праздничные. О глубине погружен-

ности в язык свидетельствуют и употребления слов, базирующихся на понятии цветности и многоцветности в *Остромировом евангелии* (1056–1057 гг.) (например, цвѣтънѣ), здесь же выступает композит цвѣтонсьныа (см.: (Жуковская 1961, с. 19)).

Сфера денотации. Выделяемые у рассматриваемой лексемы значения взаимосвязаны присутствующей у каждого из них семантикой *оппозитивности* (хроматичности — в противовес ахроматичности черно-белой гаммы), нацеленностью на такую денотативную сферу, как **артефакты**: от относительно «простых» артефактов (*цветное платье, цветная обложка, цветной карандаш, цветные стекла*), часто колористически неоднородных, многоцветных (*цветной халат, цветная шаль, цветной орнамент, цветная вышивка, цветные камушки, цветная галька, цветные ракушки*) к сложным, имеющим миметический характер — воспроизводящим и изображающим естественный цвет предметов: *цветной фильм* (в отличие от черно-белых кинолент), *цветная фотография* (в отличие от черно-белой), *цветное телевидение* (в отличие от черно-белого) (МАС IV, с. 635; аналогично БТС, с. 1458).

На этой семантической базе развиваются и *переносные значения* указанной лексемы: *цветные металлы* («в отличие от черных — железа и его сплавов» (СО, с. 757)), «*цветная металлургия, цех цветного литья*» (БТС, с. 1458).

На оппозитивной базе противопоставленности ахроматики белого цвета хроматической палитре строится переносное значение, относящееся к людям («О людях; принадлежащих не к белой расе») (СО, с. 757): *цветное население*.

В видовом названии *цветная капуста* лексема *цветной* имеет чисто условную, конвенциональную значимость (как, впрочем, и лексема *капуста*), обозначая особый вид растения).

Анализ материала терминов цвета от древности до наших дней показывает, что в сфере цветообозначений имеет место константное ядро цветолексем, восходящих преимущественно к древнейшим индоевропейским корням. Эти лексемы представляют собой фонд основных, абстрактных цветообозначений, выражающих понятия цвета в наиболее обобщенном виде. Характерно, что каждое из этих цветообозначений есть прототипическая доминанта внутри хроматической категории, являющей собой концепт данного цвета.

Широчайшее развитие артефактной сферы в наши дни проецируется в бурное развитие денотативной сферы цветообозначений: практически каждый из терминов цвета, которыми располагает русский язык, способен служить цветоопределению артефактов.

Словарный материал цветообозначений показывает, что содержание цветового прототипа — не всегда константная сущность даже в пределах одного языкового ареала. Отсюда создание лексикографических дефиниций терминов цвета является непростой проблемой. Мнения об интенционале конкретного цветообозначения у разных лексикографов могут значительно различаться. Представляется, что семантизации терминов цвета — тех, которые являются источником неоднозначных интерпретаций, целесообразно было бы составлять в пределах какой-то амплитуды колебаний представлений о цвете носителя русского языка, с определенным зазором, допуском, с учетом разброса в восприятии цветов и их цветообозначений у носителей языка, а не как некая единственно релевантная точка, один-единственный пункт на оси координат. Характерно, что даже один цветовой прототип-эталон может вызывать многоаспектные цветовые ассоциации, осциллирующие в каких-то цветовых пределах. Ведь цветовые реляции — особенно в случае большого разброса в их восприятии разными носителями русского языка, концептуализируются в каких-то цветовых пределах (а не точно), а семантический облик лексемы складывается в пределах концепта как многослойной и многоаспектной структуры.

Новая концепция лексикографического описания терминов цвета как сложноструктурных концептов позволила бы дать более адекватное лексикографическое цветоописание, соответствующее структурам знаний о современном мире и о мирах, отстоящих от нас на столетия.

Статья подготовлена как часть проблематики, разрабатывавшейся автором в рамках гранта РФФИ № 01-06-80075. Данная публикация также поддержана грантом РФФИ № 01-06-80075.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ю. Д. Апресян: *Избранные труды*: В 2 т. Т. 1. *Лексическая семантика*: 2-е изд., испр. и доп. Москва: Школа «Языки русской культуры». Изд. фирма «Восточная литература» РАН 1995, VIII с., 472 с.
- Н. Б. Бахилина: *История цветообозначений в русском языке*. Москва: Наука 1975, 286 с.
- С. Б. Бернштейн: *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*. Москва: Изд-во АН СССР 1961, 351 с.
- А. П. Василевич: *Обозначение цвета в современном русском языке*. Рук. деп. в ИНИОН СССР № 7699. Москва 1981, 190 с.
- А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко: *Цвет и названия цвета в русском языке*. Под общ. ред. А. П. Василевича. Москва: КомКнига 2005, 216 с.

- Т. И. Вендина: *Цвет в этнокультурной системе русского, старославянского и древнерусского языков*. В кн.: *Славянский альманах 1998*. Москва: Индрик 1998, с. 277–304.
- Т. И. Вендина: *Средневековый человек в зеркале старославянского языка*. Москва: Индрик 2002, 336 с.
- В. Л. Виноградова: *Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»*. В кн.: *Русская авторская лексикография XIX–XX вв. Антология*. Москва: Азбуковник 2003, с. 66–79.
- К. Гадани: *Сопоставительная характеристика прилагательных цвета в некоторых славянских языках*. В кн.: K. Gadányi, L. Mojszejenko, V. Mojszejenko: *Слово и цвет в славянских языках*. Melbourne: Academia Press 2000, с. 7–132.
- М. Г. Гальченко: *Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избр. Работы*. В кн.: *Труды Центрального музея древнерусской культуры им. Андрея Рублева*. Москва–СПб. 2001. Т. 1, 496 с.
- Г. И. Герасимов: *Снежно-белый, изумрудно-зеленый*. «Русская речь» 1978, № 2, с. 79–84.
- Л. П. Жуковская: *Значение и перспективы изучения Остромирова евангелия (В связи с девятисотлетием памятника)*. В кн.: *Исследования по лексикологии и грамматике русского языка*. Отв. ред. В. И. Борковский, С. И. Катков. Москва: АН СССР 1961, с. 14–44.
- В. П. Калыгин, Т. А. Михайлова: *К проблеме реконструкции галло-бриттской системы цветообозначений*. В кн.: *Проблемы цвета в этнолингвистике, истории и психологии. Материалы круглого стола*. Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова; Институт языкознания РАН; Отв. ред. А. П. Василевич. Москва 2004, с. 16–20.
- В. В. Краснянский: *Сложные цветообозначения русской речи*. Орехово-Зуево: Орехово-Зуевский гос. пед. институт 2000, 234 с.
- Е. С. Кубрякова: *Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. РАН. Ин-т языкознания. Москва: Языки славянской культуры 2004, 560 с.
- В. Г. Кульпина: *Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках*. Факультет иностранных языков МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва: Московский Лицей 2001, 470 с.
- В. Г. Кульпина: *Факторы динамизации эволюционных процессов в русской и польской цветономинации*. В кн.: *Проблемы цвета в этнолингвистике, истории и психологии. Материалы круглого стола*. Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова; Институт языкознания РАН; Отв. ред. А. П. Василевич. Москва 2004а, с. 29–32.
- В. Г. Кульпина: *Исторические изменения цветообозначений как манифестация динамики социоментальных систем*. В кн.: *Паланістыка — Полоністыка — Polonistyka. 2002/2003*. Рэд. А. Кіклевіч, С. Важнік. Минск: Право и экономика 2004 в, с. 77–121.
- Н. Линдгрэн (Nelli Lindgren): *Цветообозначения в русских иконописных подлинниках. Nazwy barw i wytiańców. Colour and measure terms*. Stockholm: Stockholms universitet. Slaviska institutionen 1997, с. 9–23.
- В. А. Маслова: *Когнитивная лингвистика*. Минск: ТетраСистемс 2004, 256 с.
- А. Х. Мерзлякова: *Типы семантического варьирования прилагательных поля «Восприятие» (на материале английского, русского и французского языков)*. Москва: Едиториал УРСС 2003, 352 с.
- Т. А. Михайлова: *Понятие «цвета» как лексико-семантического квалификатора* (к уточнению семантики древнеирландского gel)*. «Вестник Московского университета». Сер. 9, Филология. 2003, № 5, с. 43–53.

- Л. Н. Моисеенко: *Художественно-изобразительная роль синего цвета в прозе В. Набокова*. В кн.: K. Gadányi, L. Mojszejenko, V. Mojszejenko: *Слово и цвет в славянских языках*. Melbourne: Academia Press 2000, с. 136–142.
- Т. Ф. Надвикова: *Книжные слова в «Хождении игумена Даниила»*. В кн.: *Исследования по лексикологии и грамматике русского языка*. Отв. ред. В. И. Борковский, С. И. Катков. Москва: АН СССР 1961, с. 132–144.
- Ю. С. Степанов: *Константы: Словарь русской культуры*. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Академический Проект 2001, 990 с.
- В. А. Татаринев: *Теория терминоведения: В 3 т. Т. 1. Теория термина: История и современное состояние*. Москва: Московский Лицей 1996, 311 с.

ИСТОЧНИКИ ЭКСЦЕРПЦИЙ

- БАС — *Словарь современного русского литературного языка*. Гл. ред. В. И. Чернышев. Москва–Ленинград: Наука 1948–1965. Т. I. 1948. Гл. ред. В. И. Чернышев, 736 стб.; Т. II. 1951. Ред. В. И. Чернышев, 1393 стб.; Т. III. 1955. Ред. А. М. Бабкин, 1364 стб.; Т. IV. 1955. Ред. А. М. Бабкин, 1364 стб.; Т. V. 1956. Ред. А. М. Бабкин, Ю. С. Сорокин, 1918 стб.; Т. VI. 1957. Ред. тома Э. И. Коротаева, Л. В. Омелянович-Павленко, 1460 стб.; Т. XI. 1961. Ред. Е. Э. Биржакова, Р. П. Рогожникова, 1842 стб.; Т. XII. 1961. Ред. В. П. Фелицына, И. Н. Шмелева, 1676 стб.; Т. XIII. 1962. Ред. тома Г. А. Галаванова; Ф. П. Сороколетов, 1516 стб.; Т. XV. 1963. Ред. Г. А. Качевская, Е. Н. Толикина, 1286 стб.; Т. XVI. 1964. Ред. Н. З. Котелова, Н. М. Меделец, 1610 стб.; Т. XVII. 1965. Ред. Л. С. Ковтун, В. П. Петушков, 2126 стб.
- БТС — *Большой толковый словарь русского языка*. Автор и руководитель проекта, составитель С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт 1996, 1536 с.
- И. А. Бунин: *Повести, рассказы, воспоминания*. Москва: Московский рабочий 1961, 632 с.
- Васин-Макаров — А. Васин-Макаров: *Дикий мед*. Стихи. Москва: Студия 2002, 143 с.
- ГЭС — *Географический энциклопедический словарь: Географические названия*. Гл. ред. А. Ф. Трёшников. Ред. кол. Э. Б. Алаев и др. 2-е изд., доп. Москва: Советская энциклопедия 1989, 592 с., илл., 8 л. карт.
- Даль — В. Даль: *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 т. 2-е изд. Москва: Русский язык 1978–1980. Т. I. *А-З*. 1978, 699 с.; Т. II. *И-О*. 1978, 779 с.; Т. III. *П*. 1980, 555 с.; Т. IV. *Р-в*. 1980, 683 с.
- Делаланд — Н. Делаланд: *Кизяк местных яков (Стихи и Драконьи сказки)*. Москва 2002, 172 с.
- Зеленецкий — А. Л. Зеленецкий: *Эпитеты литературной русской речи*. 1-я часть. Москва: Б.и. 1913, 200 с.
- ИЭС — П. Я. Черных: *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. В 2 т. 2-е изд. стереотип. Москва: Русский язык 1994. Т. I а — пантомима, 623 с.; Т. II панцирь — яшур, 560 с.
- МАС — *Словарь русского языка*. В 4 т. Под ред. А. П. Евгеньевой. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Русский язык. Т. 1. 1981, 698 с., Т. 2. 1982, 736 с., Т. 3. 1984, 752 с., Т. 4. 1984, 794 с.
- МЛ — *Москва лирическая. Антология одного стихотворения*. Москва: Московский рабочий 1976, 496 с.

- Новый объяснительный словарь... — *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. 2-е изд., испр. и доп. Авторы словарных статей: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, С. А. Григорьева, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. Москва;—Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах 2004, 1488 с.
- РИБС — *Российский историко-бытовой словарь*. Автор-составитель Л. В. Беловинский. Москва: ТРИТЭ; Российский архив 1999, 528 с.
- РПУС — *Русские пословицы и поговорки. Учебный словарь*. Авт. В. И. Зимин, С. Д. Ашурова и др. Москва: Школа-пресс 1994, 320 с.
- Д. Самойлов: *Обычные слова*. Стихотворения. Москва: ЭКСМО-ПРЕСС; ЭСКМО-МАРКЕТ 2000, 384 с.
- Сл XI–XIV — *Словарь древнерусского языка*. Р. И. Аванесов Москва 1988–1994, изд. продолжается.
- СлРЯ — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Гл. ред. Ф. П. Филин; Ред. Г. А. Богатова. Вып. 1. Гл. ред. С. Г. Бархударов, ред. Г. А. Богатова. 1975, 369 с.; Вып. 3. Гл. ред. С. Г. Бархударов, ред. Г. А. Богатова. 1976, 288 с.; Вып. 4. Гл. ред. С. Г. Бархударов, ред. Г. А. Богатова. 1977, 403 с.; Вып. 5. Гл. ред. С. Г. Бархударов, ред. Г. А. Богатова. 1978, 392 с.; Вып. 10. Ред. О. И. Смирнова. 1983, 328 с.
- СО — С. И. Ожегов: *Словарь русского языка*. Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. Москва: Русский язык 1987, 797 с.
- СОК — *Словник отражений*. В. В. Краснянский: *Сложные цветообозначения русской речи*. Орехово-Зуево 2000, с. 151–226.
- СОШ — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова: *Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений*. Москва: Азбуковник 1997, 944 с.
- Срезневский — И. И. Срезневский: *Словарь древнерусского языка*. Москва: Книга 1989. Т. I. А-К. IX с., 1420 стб., 49 с.; Т. II. Л-П. 15 с., 1802 стб.; Т. III. Р-V. 1684 стб., Дополнения 272 стб., 13 с.
- СС — *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*. Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. Славянский институт АН Чешской Республики; Институт славяноведения и балканистики РАН. Изд. 2-е, стереотип. Москва: Русский язык 1999, 842 с.
- СЭРЛЯ — К. С. Горбачевич, Е. П. Хабло: *Словарь эпитетов русского литературного языка*. Л.: Наука 1979, 568 с.
- ТС — *Толковый словарь русского языка*. Под ред. Д. В. Дмитриева. Москва: Астрель; АСТ 2003, 1582 (2) с.
- УСС — *Учебный словарь сочетаемости слов русского языка*. Под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина. Москва: Русский язык 1978, 688 с.
- Фасмер — М. Фасмер: *Этимологический словарь русского языка*. Перевод с нем. и доп. члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева. Под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. Изд. 2-е, стереотип. В 4-х т. Москва: Прогресс 1986. Т. I, 576 с. Т. II, 672 с. Т. III, 832 с. Т. IV, 864 с.
- ФСРЯ — *Фразеологический словарь русского языка*. Под ред. А. И. Молоткова. Москва: Русский язык 1978, 543 с.
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Отв. ред. О. Н. Трубачев. Москва: Наука 1988. Вып. 15.

Walentina G. Kulpina

PROJEKT ROSYJSKIEGO SŁOWNIKA HISTORYCZNEGO NAZW KOLORÓW

Streszczenie

Artykuł przedstawia projekt słownika historycznego nazw kolorów w języku rosyjskim, analizę problematyki związanej z metajęzykiem opisu tych nazw, przytacza przykłady artykułów hasłowych i porusza problem etnopriorytetów kolorystyki językowej.

Valentina Kulpina

THE PROJECT OF HISTORICAL DICTIONARY
OF THE RUSSIAN TERMS OF COLOUR

Summary

The article deals with project of historical dictionary of the Russian terms of colour. The language of their lexicographical discription is analysed, the examples of vocabulars are presented, the terms of colour are discussed with respect to their ethnicolingual importance.